

*Отдай сполна, что взял, — и освятись.
Что взял — сумей отдать намного больше...*

А ты считал: бессмертье — пустяки?
Борис Олейник. “ДИПТИХ”

Такой, как есть...

Он всегда был на виду.
Его любили и ненавидели.

Всегда был разным, но всю свою жизнь, долгую и непростую, — несокрушимо *целостным* человеком.

При всей “лирической мягкости” души Борис Ильич Олейник оставался твёрдым и непоколебимым с точки зрения моральных императивов, заоблачно высоких в нынешнем “мире без правил”. Он мог ошибаться и ошибался, но всегда думал и поступал самостоятельно, и на его решения повлиять извне было трудно, чтобы не сказать — невозможно. Мог скорее надрывно промолчать, чем потакать лжи, мог отшутиться вместо того, чтобы жаловаться на свои беды (а их, как и успехов, щедро выделила ему судьба...), — и всегда оставался *настоящим*. Без масок и лицемерия. Судьба... Вслед за своим учителем, классиком украинской советской литературы Олесем Гончаром, автором когда-то знаменитых “Знаменосцев”, теперь незаслуженно забываемых “новыми украинцами” престранного “некультурного пространства” современной Украины, мог бы повторить: “У справедливых армий судьба всегда прекрасна!” Как честный воин этой справедливой армии, защищающей слово правды.

... Вот и год проходит, как нет с нами Бориса Ильича. Биография его прошла “сквозь плотные слои атмосферы”, как точно и остроумно сказал он в последнем своём интервью. А вообще-то не на шутку “шлифовали” его личность эти жгучие “слои” — от сиротливого и голодного военного детства до остракизма 1990-х — со стороны “перекрашенных лисов”, ненавидящих себя за низкое сквернодушие, не могущих простить ему бескомпромиссности и верности принципам, непродажности и стойкости; до трагедии украинского переворота, понине разрушающего Родину, — катастрофы только внешне политической, а по внутреннему смыслу — духовной, апокалиптического знака, второго Чернобыля... Да, Олейник и тогда бил в набат, призывая говорить правду о Чернобыле-86. А к концу жизни болезни, старость и усталость, знакомая даже металлу, уже оставляли ему нишу только “просто оставаться собой”.

А разве этого мало? Разве это ещё не способно удивить читателя, в частности, молодого, — что есть такие люди и в наше время?

Да и чем, и зачем удивлять?.. Хотя жизнь поэта, подчеркнём, была разнообразно-богатой до изумления. Необычная, “нетиражная” жизнь... Он побывал в донецкой шахте и в Кремлёвском дворце съездов, на Чернобыльской АЭС и в горячих точках умирающего СССР, расплавленного врагами внутренними и внешними; стоял в живой цепи на Бранковом мосту в Сербии, а над головами мрачно шли с рёвом натовские бомбардировщики-ястребы; представлял Украину на правительственных трибунах тогда ещё всесоюзной столицы Москвы и в ООН; сводили его обстоятельства с Черномырдиным и Арафатом, со знаменитым тенором Козловским и знаменитым академиком Лихачёвым (по рекомендации последнего, кстати, Б. Олейник стал академиком РАН...). Да, ещё — Горбачёв. Это — дальше, это очень отдельная тема...

Будучи мастером слова первой руки, прекрасным поэтом, публицистом, критиком, Борис Олейник не мог в накалённое время отечественной истории уйти от обязанностей общественного деятеля. Ещё в весьма раннюю так называемую “перестройку” он на высочайших форумах требовал вернуть в культурный обиход имена, наследие репрессированных и официально “преданных проклятию” писателей-соотечественников (тогда ещё весьма “опасные”!). Призывал озвучить имена жертв и палачей своего народа. Тем не менее, в “руховские” 1980-е, а особенно продажные 1990-е он был беспардонно и беспрепятственно поливаем грязью “щирих патріотів”, которые в один вечер 24 августа 1991 года из “идейных коммунистов” стали “щирими националистами”. До того — трусливые, как мыши, после того — узурпировавшие “право на Украину...” “Больше всего не люблю предателей”, — не раз говаривал Борис Ильич. Его шельмовали, клеймили “коммунякой” и “сталинистом”. Его настырно отодвигали в тень те, кого он спал в своё время, 12 лет будучи партгором Союза писателей Украины, во времена В. Щербицкого. “За годы моего комиссарства, — как, улыбаясь, называл этот период Борис Ильич, — никого не выгнали, не посадили”. А правду сказать, внимание к украинским писателям со стороны партийного руководства республики тогда было пристальным. Наплет “глупостей” мастер пера за чаркой, а партгору — донос. “Ильич” терпеливо высиживает в коридорах “верхов”, обивает высокие неприветливые пороги, умоляет за своего беспутного коллегу... Под собственную ответственность.

Забыли!..

Но он столько сделал для украинской культуры, что даже в макабрические постмайданные времена его, далеко не вполне “удобного”, не посмели не проводить в последний путь так, как должно. Широкая реакция СМИ. Соболезнование властей. Некрополь классиков — киевское Байковое кладбище. Признание заслуг, цветы, венки, речи и искренние слёзы многих... Но практически в каждом новостном сюжете о похоронах Поэта какая-нибудь тархтливая синица на ТВ (не имеющая никакого понятия о его творчестве, о целых прожитых им эпохах и перенесённых испытаниях) вкручивала фразу: “Але Олійник так і залишився до кінця життя переконаним комуністом...” Ах, как ужасно! Не стал огульно проклинать прошлое и восхвалять “новую чудесную жизнь”!..

...А время отхода было после Пасхи, звучало на нашей земле всепобедительное, громогласное, вечно-весеннее и живое “Христос Воскресе! — Во истину Воскресе!” Как многие люди, верные Троиединой Руси, не видел раб Божий Борис особых противоречий между православием и коммунизмом в русском изводе — с идеями братства людей, благородного труда, справедливости, добра. Он выводил всё из общего знаменателя — совести человека... Обо всём чистом, наивысшем, родном и была его поэзия — исключительно искренняя, песенная, живоязычная... Год назад нас покинул уникальный поэт, возможно, самый мощный поэт современной Украины. “Великого человека потеряла Украина, долго будет помнить она его добрую работу”, — так и хочется сказать словами Горького о Коцюбинском. Чуть ли не семь десятилетий в Слове... Перестало биться сердце великого сына Славянины, до конца (чуть ли не одиноком из своего поколения...) оставшегося верным Русскому братству... Иногда говорят, что Россия знает Олейника больше как публициста, чем поэта... Ну, мы ещё с этим поспорим.

...Год назад, после услышанной горькой вести, я схватился за бумагу и ручку (да, именно за них, потому что инстинктивно не захотелось использовать

нечто технически-неживое в рассказе о живом, да и сейчас — так...). Но не ложились на бумагу непослушные строки, и всё написанное казалось недостойным памяти бесконечно дорогого мне, великого человека... Чьё сердце было удивительно чутким к Добру и Правде. Неподкупно честным — перед собственной совестью, ближними и дальними, перед предками, современниками и потомками, перед родным украинским народом, всей Святой Русью, да и целой метафизической Вселенной, если хотите... Поэт — уже “на берегу вечности”, говоря его же словами. А нам теперь, уже с некоторой дистанции, когда утихла самая острая, первая боль душевная, следует вспомнить о его жизненном пути, творчестве, человечности...

Доля

“Добрые люди и жизнь учили меня, что нашивки и отличия не делают человека лучше. Главное — чтобы они его худшим не сделали... Твёрдо стою на этом базисе”, — писал Борис Олейник.

Мне вспоминаются слова одной киевской писательницы: “Талант — всегда щедрый”. Но кому больше дано, с того больше и спросится...

“Нашивки-отличия” Б. Олейник мог бы начать коллекционировать с отрочества, хотя ставил не это своей целью. Больше — учиться у жизни, брать у неё лучшее и отдавать преумноженное лучшее — другим.

... Но перейдём к обычной фактографии, к событиям, датам и цифрам.

Начал печататься в 11 лет и потом 70 лет был в литературе — это не случайность.

Борис Олейник родился 22 октября 1935 года в селе Зачепилровка на Полтавщине. Километра за три с чем-то — райцентр Новые Санжары, стоило только пройти лесок, луг, мостик через реку Ворсклу. Отец, Илья Иванович, был не просто грамотным человеком, а работником районной газеты. В первый месяц начавшейся войны уже выполнял обязанности редактора. Была у него травмирована на шахтных заработках рука, но всё же добровольцем пошёл на фронт. Ему Олейник потом посвятит немало поэтических строк... Мама, Марфа Никоновна, из бедной хлеборобской семьи. Богатство внутреннее её души и свою горячую сыновью любовь к ней поэт воспевал в своих замечательных произведениях. Никто, решительно никто так не разработал в украинской поэзии XX века тему Матери, как Борис Олейник. Для своего времени — конгениально Тарасу Шевченко... И даже бабушке Катерине посвящён раздел в монументальной поэме “Дорога”. Не было для художника “простых” людей, он поразительно видел необычное в обычном, распознавал красоту и “под рубищами”, как Кобзарь, как Александр Довженко, как его будущий однокурсник по журфаку Василь Симоненко, как всякий настоящий, обладающий “дополнительным знанием” талант.

Но вернёмся к биографии. Не хочется повторять “справочные материалы”, их не проблема найти где угодно в информационную эпоху. А вот нравственные моменты, формировавшие, ограничившие алмаз этого таланта, крайне важны.

Отец перед уходом на фронт завернул в провощённую бумагу типографские шрифты и спрятал в заброшенном колодце. Не сомневался: после победы пригодятся... А некоторые посчитали иначе... Те, которые из разряда “наши/ваши”...

В первые же дни фашистской оккупации некий землячок, которого отец Бориса взял в редакцию, шрифты вынул и “оприходовал” — начал выпускать газетку для нужд “новой власти”. И в одной из статей поэт уже на склоне лет написал, выделив курсивом, так и мы выделим: “С той поры и по сегодняшний день во мне живёт непоколебимое презрение ко всяким отступникам и переребечикам, одним словом — к предателям”. И даже уточнил: потому и не меняю своих устоев... для того хотя бы, чтобы не пополнить собой их ряды.

А отец так и не вернулся... Без вести пропал в 1943-м под Харьковом.

В 1948 году было опубликовано первое стихотворение пятиклассника Бориса. Шли годы... Вехи, достижения... Союз писателей (одним из рекомендовавших молодого поэта был Владимир Сосюра, живая читательская легенда 1920–1960-х). Киевский университет. Работа в изданиях... Сотни стихотворений, десятки поэм, сборников, публицистические статьи. “Великими сынами Украины” справедливо считал Б. Олейник своих учителей в жизни и литературе — знаменосца-фронтовика Олеса Гончара, историка Петра Тронько, академика Бориса Патона, — трудившихся на благо родного народа,

но не впадывая в экстаз от хуторянского умиления-самолюбования, понимая их, что Украина – самобытная, органичная часть славянского мира... Тёплым словом вспоминал “русских побратимов”: Леонида Леонова, Дмитрия Лихачёва, Юрия Бондарева, Валерия Ганичева и многих других. До последних дней оставался в жюри Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Много лет возглавлял Комитет по Шевченковской премии Украины. Впрочем, его всё больше тяготило, что Комитет программно, последовательно наполняли отъявленные националисты и русофобы, он подавал заявления об отставке – не принимали президенты Незалежной. “Кто, кроме Вас?...” – и точка.

Обрадовавшись провозглашению независимости в 1991 году как национальный романтик и патриот, Борис Олейник, впрочем, со всё меньшим оптимизмом, а потом и без оного взирал на набег дичайшего капитализма, бедствия народа, обманутые надежды и маскировку за опереточной мишурой шаровар, бандур и баек об “особом шляхе Украины” банальных интересов Запада, которому не нужны были ни человек наш, ни культура, ни народ... Формировался проект “анти-Россия”, а не “разбудовувалась” Украина. Новые хозяева жизни беззастенчиво грабили экс-УССР, прогрессивно изощряясь в хитросплетениях нацдемагогии и бесплодных обещаний...

Но возвратимся к началу кризиса – “перестройке”, рубежу 1980–1990-х. Если кто помнит из украинских словолюбов, зимой 1988 года в газете писателей “Літературна Україна” была опубликована многополосная программа “Украинского народного Руха (движение – рус.) за перестройку” – полное название сей аморфной организации не любят сейчас вспоминать: ну, чисто как после чернойбыльской аварии газеты “забыли”, что ЧАЭС-то была “имени В. И. Ленина”... Желаящие могут почитать этот составленный “патриотическими писателями” документ, Google им в помощь. Что этот Рух был организован по разнарядке ЦК КПУ (!), свыше, сейчас и кроту видно. Замелькали жёлто-синие знамена (которые, как заметил один мой знакомый черниговский старожил, он, к слову, выдывал на фашистских коммандатурах), забурлили митинги, на которых раздавались громогласные обещания, что на (тогда еще не “в”...) Украине русские заживут лучше, чем в России, евреи – чем в Израиле, и “прочие безумные глаголы”. Прибалтийские и галицийские мастерские пустили в тираж “национальные” значки, включая красно-чёрные, бандеровские; флажки, ленточки и трезубцы. Без усилий можно найти в интернете и тогдашние листовки, вещающие, сколько всего есть у нас, и только вот отделимся – сразу заживём!..

“Кратко рещи”, Борис Ильич с самого начала отстранился от этой вакханалии. Очевидно, Бог даёт совестливым поэтам дар прозрения. В отличие от “побратимов-спилчан”, бросивших писать, с досадой в сумерках расходящихся с митингов и с радостью утром на них бегущих, Олейник эйфории не поддавался. По злейшей иронии судьбы, именно интеллигенция, те же писатели, например, через пару лет окажутся чуть ли не наибольшими маргиналами общества. Пропадут престиж и советские гонорары, сдуются гордые миллионные тиражи “Огоньков” и трёхсоттысячные – “Литературной Украины”; рубль, презрительно именовавшийся деревянным, сменят вообще фантикового вида “купонаркованці”, ничего не стоящие. Цены будут расти по дням, если не по часам. Как когда-то – коммунизм, всё более отодвигающейся за горизонт станет “велика вільна держава”. С горькой иронией об этом написал покойный Владимир Дрозд в повести “Музей живого писателя”...

Разруха, фальшь, обман.

Мне думается, поэт это предчувствовал.

Но даже массы негодяев, даже толпы наивных, одураченных не заслонили для него Украину и народ. Он не митинговал – он продолжал работать ради них...

В 1988 году в Москве, будучи делегатом XIX Всесоюзной партконференции (а событие сие, напомним, было внушительным по общегосударственным масштабам), Олейник и призвал с кремлёвской трибуны, на весь Союз, создать “Белую книгу” о голодоморе 1932–1933 годов и, повторю, *поимённо* назвать в ней жертв и палачей.

(Кстати, примечательная врезка. Стоя возле гостиницы “Россия”, делегат Борис Олейник увидел приземление на Красной площади “игрушечного самолётика” – в сердце СССР присел “пассажир” из натовской ФРГ Матиас Руст... Это было симптомом и знаком. Это *позволили*. Смешно думать, что

наши системы ПВО не заметили данный объект в полёте до самой Москвы. Но стало понятно, а Олейнику — безусловно: Страну сдали без боя.)

Олейник первым назвал фамилии репрессированных украинских писателей, например, М. Хвильевого (вообще именуемого до того в энциклопедиях “фашистом”) и В. Виниченко — писателя нерядового, хоть и с клеймом Ленина: “Архискверное подражание архискверному Достоевскому, махровый дурак”. Думаете, “побратимы”, тогда ещё о многом помалкивавшие, оценили?.. Как же... В двухтомном учебнике украинской литературы 2-й половины 1990-х (когда хоть на какие-то книжки “обёрточной” полиграфии “кучмистская” Украина смогла найти деньги) — всё та же “мантра”: “На жаль, талановитий письменник лишився з тими, хто нищив український народ — з комуністами”... .

А украинский народ был отдельно от коммунистов?

Были и протесты (услышанные) против антиэкологических проектов под Каневом, грозивших разрушением Чернечей горы, на которой погребён Тарас Шевченко. Было несколько поездок в Чернобыль. Уже за год до смерти, тербя запрещённую лекарями лёгкую папироску на лавочке санатория под Киевом, Борис Ильич тихо постанывал: “Ноги же болят, щоб ему... Это всё Чернобыль...” Были попытки, и резонансные, через рупоры всесоюзных СМИ озвучить выкладки (в частности, академика Б. Патона) о причинах и последствиях аварии. Многие вычеркнула цензура.

Сам “первый и последний президент СССР” звонил в Киев Щербицкому: “Что твои поэты тут в Москве вытворяют?!”

А дальше — 1999-й. Бомбёжке Югославии, перебежки между траншеями, а уже ж не юноша... И упоминание остояние на Бранковом мосту. И работа “народным парламентарием” — десять лет Олейник возглавлял украинскую парламентскую делегацию в Совете Европы и отстаивал интересы страны-легенды — Сербии. Столь несокрушимо прямоходящей и столь несчастливой в земной истории. Упоминали мы и о горячих точках разваливающейся сверхдержавы... Авторитетное слово писателя, депутата, гражданина предострашало строительство АЭС в Крыму и под гетманским Чигирином — можно почитать не раз в биографиях поэта. Он считал, что, если человек имеет какой-то вес, авторитет — преступно это “пустить на себя”, не помочь обществу, людям.

А в “точки кипения” вело его не желание славы, не “байронический комплекс”, не тяга к приключениям. Он хотел, чтобы никогда, ни за что не лилась бесценная человеческая кровь. “Кров людська — не водиця, проливать не годиться”, — гласит украинская пословица. В автобиографическом очерке для российских читателей “Новая жизнь нового жаждет слова” на этот счёт автор пишет о страшном впечатлении военного детства. (Кстати, воспоминание отражено и в одной из поэм...). Как в сентябре 1941-го, во время печального для нас и триумфального для немцев наступления маленького Бору с мамой за хмельевшие от радости оккупанты выпустили из плена под Полтавой — идите на все четыре. “...И когда мы оказались на опушке какого-то леса, нашему взору внезапно открылось поле, сплошь усеянное погибшей советской конницей. То апокалиптическое видение живёт в моей памяти до сих пор. Так что в горячие точки меня вела вовсе не бесшабашность, а желание сделать всё для того... чтобы не проливалась кровь”.

Каково было поэту и гражданину с 2014-го до смерти наблюдать братоубийство на юго-востоке Украины — можно лишь догадываться... .

Более четверти века Борис Олейник возглавлял Украинский фонд культуры. Это его детище. Это был очаг культурной жизни столицы, “место встречи”, пересечение талантов самых разных творческих профессий, наций, возрастов... . Что ныне ждёт его? Прогнозы невозможны... .

Без крика про неистовство издевательства “клятых москалей”, без программной русофобии, которая стала “генетической программой” разрушения Украины, Борис Олейник честно отстаивал интересы Украины, её культуры, языка.

И, пожалуй, он *один* (подчеркну — один-единственный) не променял ценности славянской православно-цивилизационной на сомнительного качества славу среди временных политических сквизозяков, на сребреники братопродавства, на дивиденды за ложь и лицемерие... . Но не ждите, не будет и сусального иконного лика. Вот он в 2004-м выступил за Ющенко. Доверился, ошибся, хоть и в ошибках, оставался собой, не “дымел сигаркою на чужой губе”, как писал ещё в раннюю пору. Разочаровался. Ну, что же... . Тем хуже для Ющенко.

А многие пошатнулись, отступились — не хочу оставаться, это неоднозначные люди, лучшее, исходящее от них, конечно же, останется и будет ценным. Ну, а с моральным выбором... Как уж сами решали...

Вот и дал нам Бог человека такого, чтобы остался хоть один казак среди обасурманившихся... Чтобы люди, приходящие в жизнь, знали: так можно. Так — нужно!

Вот вам и судьба... Доля.

2016: Последний портрет

“Мой взор, как бинокль, многократно усиливается, и вижу я человека, такого похожего на меня, только чуть ли не вдвое младшего. Господи!.. Да это же отец!

Он хрипло кричит мне через полстолетия:

— Сынку! Как же ты мог?.. За что тебя судят, скажи?!

— Да вот, батьку... Ты уж прости мне... Воспевал.

— Что же ты... воспевал?!

— Да вот Родину... Ленина... Украину... Россию... Братство народов...

Независимость...

— Но мы же, сын, за всё это боролись и погибали?!

— Так вышло, отец. Что поделаться? Вы за это воевали, а нас за это... судят...

Грозный окрик прерывает это inferнальное видение:

— Встать! Суд идёт!

Ну, что ж, начинайте: я и так стою”.

... Суд по-гречески — “кризис”. Оттуда же латинское, сухо-математическое “дискриминант”: различие, разделение, выявление. Овцы — одесную Судии, козлица — ошую... И непроходимая пропасть, по Евангелию, между жизнью вечной слуг Добра и огнём вечным клеветов диавольских.

Сцена этого инквизиторского суда отступников, перерожденцев над теми, кто не поколебался в совести, в Истине, взята из книги Бориса Олейника “Два года в Кремле”. Да, правда, бытует мнение литературоведов, что в России (по крайней мере, постсоветской) Олейник более известен как публицист и “культурный посол”, чем как поэт. Это и так, и не так, потому что открытие, “воспоминание” великого массива его поэзии русским читателем — дело будущего. Может, и недалёкого. Нива есть, делатели жатвы требуются.

... А теперь скажу совершенно удивительную вещь. Эта цитата, как и многие другие подобные цитаты и комментарии, содержится в последней прижизненной книге Бориса Ильича по олейниковедению — фантастика почти, но издана она в 2016 году в Киеве. В послемайданной Украине. Ведущим столичным издательством “Український письменник”. Авторы — известные украинские деятели культуры: доктор филологических наук Н. Костенко и поэтесса, критик Л. Скирда. Как же это стало возможным в разваленной (прежде всего, морально) стране, где за год перед тем чуть ли не “по госзаказу” убивают Олеса Бузину, — история почти конспирологическая. Ну, пусть до времени сохранится интрига... Всякая ничтожная мелочь, человеческая дрянца, которая “шавкала из подворотен”, смела именовать тогда великого сына Украины Олейника “хворим на голову сталіністом”. Ну, где “хвороба” — на пятом году прогрессирующего майданного паралича очевидно...

Совершенно необходимо сказать нам хоть кратко об этой книге, являющейся самым современным и полным исследованием творчества Бориса Олейника. Тем более, что в РФ она представлена... только в 2 экземплярах. Один — в Фундаментальной библиотеке МГУ имени М. В. Ломоносова, второй, с дарственной надписью моего наставника в филологической науке И. В. Костенко, — у автора этих строк... А неплохо было бы её и перевести, донести до российского читателя! Ну, пока переведём титул: “Стою на своей земле. Борис Олейник: лирическое и эпическое творчество”.

Собственно, вся эта основательная книга на 250 страниц, насыщенная фактографией, сочетающая академическую научность и общечитательскую доступность, суть поиск ответа на поставленный самими авторами вопрос в самом начале: “Что же дало этому поэту силу на протяжении более полувека — от начала 1960-х аж до середины 10-х годов XXI столетия — на всех поворотах истории не только не утратить, но и преумножить свою творческую энергию, уберечь от коррозии собственную человеческую индивидуальность, моральную чистоту и порядочность, веру в победу добра над злом, глубокую любовь

к своему народу, уникальную работоспособность во всех звеньях – литературной, общественной, научной, культурно-просветительской работы?..”

“Великий поэт, великий украинец”, – пишут авторы, ссылаясь на слова многолетнего друга и соратника Бориса Ильича – поэта и публициста Михаила Шевченко. И ищут ответ на поставленный “вопрос, состоящий из вопросов”, в истоках биографии, в ходе творческой эволюции, в моральных качествах самого литератора.

Чуть ли не сто лет назад знаменитый чуветский (русский и украинский) филолог-академик Александр Белецкий в работе “В мастерской художника слова” предложил термин “психография” – описание личности писателя, его внутреннего мира. В книге И. Костенко и Л. Скирды психография Бориса Олейника представлена с позиций правдивых, объективных и современных. “Против течения” – таков преимущественно ведущий мотив исследования. Дело не в “гордости житейской” поэта и публициста, не в желании выделиться, покрасоваться. Не будем забывать, что большинство всегда верит в то, во что легче верить, что как бы просто и явственно ложится в русло обывательской логики. Но “правда неправдоподобна”, по Достоевскому. Не всем дано её распознать, особенно – не желающим этого...

Такие, как Олейник, могли бы реально, честно, а не ради шкурных интересов реформировать обветшавший СССР, мощной командой исправить ошибки и перекосы в идеологической, экономической, национальной и других сферах. Суверенитет? Хорошо. Но он оказался “лживым”! И Олейник распознал это одним из первых.

В 1992 году, напоминая соавторы-исследователи, была опубликована художественная книга Б. Олейника о государственном перевороте в СССР. Одновременно на украинском и на русском языках, больше всего известная под заголовком “Князь тьмы, или Два года в Кремле”. Также её издали на азербайджанском и сербохорватском языках. Костенко и Скирда пишут: “Это книга символов и знаков – библейских, философских, литературных, которую нужно уметь прочитать не только за строками, но и между ними”. Написанная в форме послания-обвинения “отступнику всех времён и народов”, первому и последнему президенту Советского Союза Михаилу Горбачёву, единственному правителю, “распустившему” собственную страну, она впечатляет гневом и горечью.

Как читатель (тогда ещё студент-филолог) я был немного удивлён, вспоминая, введем ли в книгу публицистического настроения апокалиптических образов и мотивов; “тайна сия велика” и для авторов исследования. Но три десятилетия подтвердили: да, интуиция поэта ощутила, что речь идёт не просто о политических событиях и фигурах. На мировой арене в небывалом после ВОВ поединке схлестнулись незримые духовные силы Света и тьмы... И мы были на время побеждены. “Сатана замахнулся на мир православный”, как писал Олейник в поэтическом посвящении сербским братьям... Триединая православная Русь, непокорная Сербия, да и весь мир Божий стали мишенью для развязанного за наши грехи Сатаны, однако снова закуёт его Господь на 1000 лет – время близко. “Чадом Сатаны” называет Михаила Отступника обвинитель Олейник.

Авторы пишут: “В inferнальном освещении является не только образ экс-президента М. Горбачёва, но и сцена суда над компартией, где одни коммунисты (вчерашие, например, Ельцин Б. Н.) судят других (нынешних), того же поэта”. (Мы начали раздел с этой сцены, которую названные литературоведы тщательно анализируют... Напомним только, озвучим, что “в свидетели для обвиняемых (которых миллионы) поэт приглашает и живых, и мёртвых, и погибших на фронтах великой войны”).

Однако, отмечено в монографии, финал “письма глухой тоски и боли” (Горбачёву. – **А. Я.**) напоминает о композиционном кольце всё той же мистико-фантастической тональностью, что и в начале, хотя уже с более обнадёживающим выводом: “... Колосья благовествуют – урожай будет. Тяжело придётся, сказано в Писании: жнивья много – жнецов мало... Но – одолеем... Надо одолеть”.

...Как отмечают авторы книги “Стою на своей земле”, художественная публицистика Бориса Олейника охватывала не только внутрисоциальную жизнь бывшего Союза, Украины, но простиралась в параметры внешнеполитические. Прежде всего – сербская тема... Макротема. Ведь Сербия – “аванпост Православия”, который веками стоит на пути немецких амбиций, агрессивной католизации или “отуречивания” Европы. И, конечно же, на момент,

когда разразилась югославская трагедия, географическое сердце югославы – Сербия – мешала единственной после распада Союза ССР сверхдержаве – США – ощутить себя окончательным хозяином миропорядка... В частности, авторы упоминают известные, несколько раз издававшиеся в 1990-х эссе Олейника – “Время двойных стандартов” о лицемерных “ценностях” Европы, равнодушно взвешивающей на убийство Югославии (1994); “Сатанизация сербов, кому она нужна?” (1995); “Кто следующий?” (1999) и другие...

Говоря о публицистике поэта и гражданина, Костенко и Скирда печально резюмируют: “Украина, всё более нищая и всё менее независимая (по-украински: “... все більш незаможна і все менш незалежна”). Наверное, мы плохо защищаем Сербию. И мало читаем поэзию Бориса Олейника” (с. 228).

Пожалуй, мы сознательно “выхватили” из книги “Стою на своей земле” только публицистическое “ядро”, а книга довольно многоплановая, “многоядерная”. Но “выхватили” как самый острый и смелый аспект. Так что книга – своего рода чудо и подвиг в несвободе современной Украины.

И, конечно же, в ней сказано и об истоках творчества поэта, о глубоко национальной и высоко-общечеловеческой мере его лирики, об эпическом его мастерстве, музыкальности, образности, многообразии слога...

Профессор Наталья Васильевна Костенко – высококвалифицированный теоретик литературы, прежде всего – стиховед, известный в экс-СССР и, конечно же, на Украине.

Людмила Михайловна Скирда – известная украинская поэтесса и критик, тонкий ценитель поэзии и вообще человек, повидавший мир и людей, хорошо изучивший сущность поэзии разных стран и народов.

... Интервью, заключающее книгу “Стою на своей земле”, записали Наталья Костенко и Василь Соловей – молодой поэт, перспективный критик, был в Киеве моим студентом – одним из самых старательных, отмечу, и одарённых, и порядочных!.. Что тоже далеко не мелочь в нынешний век...

“... Мне поздно меняться”, – в шутку (да и всерьёз одновременно!..) говорит поэт в интервью на 80-м году жизни. Впрочем, относительно кардинальных нравственных вопросов он мог это сказать и в 50, и в 20 лет...

Уже после трещины майдана, расколовшей историческое бытие Украины на ДО и ПОСЛЕ, Борис Ильич отвечает на финальный вопрос интервью – о преодолении смуты и развала: “Одолеем и эту руину... Пафосно привыкли мы говорить про народ... А всё же в народе, в человеке живёт надежда на будущее”.

Проживи он ещё немного, не сомневаюсь, написал бы правдивую книгу о майдане... И много прекрасных стихов... Но уже кому-то другому становиться в казацкое стремя Белого Коня – символ Доли в одноименной олейниковской поэме.

... Есть у Бориса Ильича книга не такого уж и распространённого жанра, назовём его “поэт о поэтах”: сборник статей “Планета Поэзия”. “Поэзии подвластно ВСЁ”, – с раздумчивой категоричностью пишет в ней Борис Олейник.

И что бы ты у него ни читал, и что бы ни случилось, что бы ты ни пережил, глядя на его светлый образ, на его жизнь – веруешь несомненно, что так оно и есть.

Светлая память

День и ночью не спит...

Б. Олейник

... Потому напоследок, в завершение нашего разговора, наверное, пора сказать лично о Поэте. И говорить буду много.

“... Мы умрём мучительною жизнью. // Мы лучше вечной смертью оживём!” – Борис Ильич нередко любил цитировать Высоцкого.

Возле великих всегда много “якающих”. Я раньше какой-то тенью мысли их осуждал, каюсь. Мол, выходит на тему не “N и я”, а “Я и N”. Теперь, когда, по выражению одного известного советского мемуариста, “мои друзья уже памятники”, для меня, по крайней мере, старшие друзья и, по крайней мере, кресты и бюсты на писательских аллеях кладбищ и в других местах присутствия Вечности, я думаю: не всё так просто. Слишком большой, заметный след в душе оставляют великие, чтобы отказаться от личного восприятия и всё того же частого “яканья”. Но следует стараться не впадать в раж панибратской хлестаковщины.

Не вижу особой мистики, а только закономерную мудрость Бытия, преемственности культурных поколений, в одном примерительном для меня факте.

В моей довольно обширной в эпоху современных гаджетов “бумажной” библиотеке хранятся две книги поэзии Бориса Олейника (конечно, его изданий у меня немало, можно выделять “oleyниковскую полку”, но эти – подписаны). Одна – сборник поэм 1984 года, полукарманного удобного формата, в “уютной” обложке цвета дозревшей украинской черешни. Её подарил и подписал мне отец: “Дорогому Саше в день публичного признания успехов в поэзии. . . 4.11.1983 г.”. (Вкратце о событии: речь идёт о “разборе полётов” начинающего поэта-семиклассника на собрании черниговского областного литобъединения “Солнечные кларнеты. . .”). Лишь через много лет, кстати, обратил внимание на дату: а ведь это праздник Казанской иконы Божией Матери, Путеводительницы, среди прочего. . . Случайно ли?.. Но с этого дня и начал мне открываться удивительный мир поэзии Олейника. При всём отсутствии кричащих внешних проявлений – потрясающе своеобразный, неповторимый; в спокойной-бесстрастной форме – динамитно взрывающий мысли и чувства. . .

Вторая же книга – “Тайная вечеря” – поэзия современного Олейника – первого десятилетия XXI века. И на юбилейном вечере в столичном дворце “Украина” автор подписал её моему старшему сыну Сергею, тогда 8-летнему хлопчику. . .

“Батьки і діти. . . Діти і батьки. . . – нерозділиме та одвічне коло. . .”

“Во всём ищите великого смысла”, – говорили святые. Мы в слове, слово в нас – вещи потрясающе загадочные. . . Такая вот перекличка поколений, обстоятельств, эпох!

. . . Мне посчастливилось, ещё не дойдя на сей момент до полувекового жизненного рубежа, узнать многих замечательных людей, за что неустанно благодарю Бога. Это роскошь, несоизмеримая с ничтожным блеском богатств, комфорта и прочего, о чём так настырно мечтают массы людей скучно-потребительского дня сего. (В скобках замечу: читая в начальных классах повесть “Меж добрых людей” Юрия Збанацкого – партизана, Героя Советского Союза, – мог ли я подумать, что через несколько лет с ним встречу в том же Чернигове, он подпишет свои книги, мы будем переписываться – Герой, живой классик детской литературы, сейчас, к сожалению, “затёртый” за тоскливыми продуктами раскрашенного “под детей” “нацреализма”. . . “З вас будуть люди”, – деликатно похлопал меня по плечу Юрий Олиферович. На “вы”! К подростку–початківцю! А “люди”. . . Так и хочется сказать, по батьку Тарасу: “Які з нас люде?..” Ну, посмотрим ещё. . . Или – читая “Слово после казни” Вадима Бойко, знал ли, что два раза увижу за жизнь этого писателя, узника Освенцима, с 18 лет ставшего фронтовиком и чудом выжившего в аду нацистских концлагерей? Как сейчас перед глазами – татуировочно-порохового цвета 6-значный освенцимский номер на его руке. . .)

. . . Я умышленно отошёл от темы. Для характеристики эпохи. Снова и снова: “Да, были люди в наше время. . .” Хотя мы уже приходились детьми и внуками этим людям. . .

Так что удивительным образом книги приводили меня к таким Людям, их написавшим. И когда на рубеже 1980–1990-х я обучался на филфаке Киевского университета (тогда название – “университет” – для Киева было в единственном числе, это сейчас любое перепрофилированное ПТУ в районцентре – уже “университет”, “академия”. . . – всё девальвируется, а жаль. . .), я мечтал и Бориса Олейника увидеть. Тогда открывалось много нового, жизнь бурлила, мы были преисполнены энтузиазма! Хотелось жить, любить, творить! Юбилеи, вечера, кинопремьеры, концерты – всё мы жадно вбирали в молодые души. Многих и разных слушали поэтов. Олейник так и не появлялся. Впервые я увидел его в Киевской филармонии. Спокойствием и уверенностью звучащий его характерный голос – таким он представлялся, закодированный в полиграфические знаки.

Потом, в перерыве какой-то студенческой конференции, я вышел прогуляться на улицу. Мимо фасада Оперного театра неторопливо, “не-звёздно”, как улыбочиво-добродушный “замысленный дядько” по сельскому огороду, шёл между толпами прохожих необычный человек в обычном сером пальтишке и таком же картузике-кепке. Интересное впечатление: он одновременно всё замечал зорким взглядом и как-то неотлучно пребывал в себе. . . Я выхватил из кармана программу конференции и попросил дать автограф. “Наукових успіхів!” – улыбнувшись, написал Поэт и пошёл дальше, не замеченный и не

поиманный тогда ещё сравнительно наивной средой позднесоветского мега-полиса...

Не будут с Бориса Ильича писать житие! Не был он святым в каноническом понимании этого слова. А вот честную, чистую биографию — я мечтал бы о ней в перспективе... И думаю, что Украина станет той, в которой воссияет истинный образ поэта... Да, так вот... Может, это уже вплетается профессиональная фантазия, но мне не раз думалось: существуют люди, обладающие, так сказать, даром “мирского благословения”. В смысле, начатое ими дело имеет несокрушимое продолжение, сказанное ими слово, говоря по-фольклорному, становится “оберегом” на жизненных путях. Они могут быть и атеистами, прости Господи, как Василь Сухомлинский, Антон Макаренко, — педагоги, которых сейчас больше помнят Россия и мир, чем родная Украина). Был учитель в моём селе на Киевщине, полвека назад организовавший один из первых в области краеведческих музеев. Уже разные ветры веяли, уже добавили туда толику бандеровского мусорка, но от первобытной Добраничевской стоянки до великого подвига Победы, до трудовых свершений сельчан — всё, в основном, хранится... Такая эпоха! Такие бывают люди!

Вот подобным полусакральным благословением, хочется думать, обладал и Борис Олейник.

Благословением, полагаю, которое не назовёшь расхожим, “с лёгкой руки”; скорее, по мудрому выражению его полтавского земляка, селянского философа Григория Сковороды, “аще любишь сладость, люби прежде горечь”... Но — прочное благословение! Этими горестями-испытаниями и закалённое.

...2005 год. Переполненный людьми главный столичный дворец — Палац “Украина”. Михайло Шевченко дал мне полтора десятка билетов для студентов-литераторов — как они были рады и благодарны!.. 70-летний юбилей отмечался масштабно. Величественная оратория по поэме “Трубит Трубуж”. Задушевное чтение поэзии неповторимым Анатолием Паламаренко... Множество ярких звёзд культуры, из которых многие (и незабываемые, и забытые...) — уже далече... И, конечно же, сам поэт с новыми стихами, которые негромко читал замержшему пяти тысячному залу. Читал характерным хрипловато-лёгким голосом, чётко и медленно выделяя слова, но не играя в театральщину... И после шквала аплодисментов широко перекрестился, поставил точку на мероприятии: “...Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...” Он прославился выражением: “Я — украинский (подчёркиваю) православный (подчёркиваю) коммунист (подчёркиваю)”. В Украине (русская языковая норма, впрочем, — на Украине) — такого не понимали, не поняли да, боюсь, не скоро и поймут! А вот Россия — поняла, осознала и простила свою историю. И если Василий Блаженный разрешает по соседству с собором находиться Ленину, то мы не умнее святого, правда?..

Россия — как Библия человеческой истории, всё в ней было. И пророки, и мученики, и злодеи. И праведность, и безбожие. И даже Бог — в безбожном государстве... В людях! Люди понимают уже, что это — единая Книга: бытие единого Отечества. И бессмысленно вырывать страницы или марать строки: отрастут снова страницы и прорастут буквы. Но это уже другой разговор...

Да, Украина же с вандальской “декоммунизацией” и, пардон, дебилизацией народа, с ложью и беспамятивом, возведёнными в культ, пока не поймёт, как понять далеко глядящий вперёд Олейник, писавший в автобиографической статье для русского читателя: не спешите осуждать солдата, который идёт не в ногу со всеми, — как знать, может быть, он слышит марши будущих времён...

Как-то удивительно, с “неправильными”, неравными интервалами в несколько лет мерцала в моей жизни эта удивительная личность. Но — фатально, сказал бы я, случилось мне быть древним греком...

В 2012 году захотели потребность и возможность выпустить мне книжечку избранных моих стихов разных лет — “Небесная твердь”. Профессор Н. Костенко просмотрела рукопись, дала несколько советов и, наверное, — самый главный: обратиться к Борису Ильичу с просьбой написать... предисловие. “Він таке сонечко! Він не відмовить...”

А я-то задумался. Один знакомый талантливый и своеобразный поэт, также лауреат Шевченковской премии, как и Б. И. О., как-то сказал: “На пальцах одной руки можно пересчитать, кому Ильич предисловия написал!..” У поэта, кстати, оно тоже было — в 1980-х.

Борис Олейник согласился. И написал. “Поэзия как знак”. Не буду уж цитировать комплименты Маэстро мне, грешному, хотя это дорогого стоит,

но полагаю, ему импонировало, что я, при всех грехах моих, не предал нашу общую всенародную Память... Которая не бывает “выборочной”, под “вкус и цвет” эпох...

А события ускорились... Угрожающе назревала украинская катастрофа.

Грянул майдан.

Не буду пускаться в подробности, скажу только, что выступления против повального безумия странной, инициированной Западом “революции” в Киеве стоили мне работы в моем любимом Киевском университете им. Т. Шевченко, университете святого Владимира. Где с 1987-го по 2014-й я прошёл путь от абитуриента до доцента...

Думаю, трагедия майдана укоротила жизнь и поэту, крепкому потомку казаков и хлеборобов.

А дни самого переворота мы “встретили” в Москве. По неисповедимому стечению обстоятельств на 19–22 февраля 2014 года в Москве была назначена русско-украинская конференция, посвящённая 200-летию юбилею Тараса Шевченко. От Украинского Фонда культуры, возглавляемого Борисом Олейником, поехала представительная делегация, более двух десятков человек: писатели, учёные, критики. Знакомились между собой, с российскими коллегами, общались на мероприятиях и в кулуарах. Я познакомился с лауреатом главной украинской премии того года – закарпатцем Мирославом Дочинцем. Хочу упомянуть его известный украинцам роман “Вечник” – может, не в тему, но чтобы знал и российский читатель. Ведь в Москве вращаются переводы книжек то русофобской, то графоманской украинской публики, то вкупе той и другой – шкляров, забужек, жаданов, андруховичей... А философская проза Дочинца, – пожалуй, чуть ли не единственное вменяемое художественное явление, номинированное на столь высокую награду в бывшей УССР...

Как известно, все “договорённости между властью и оппозицией” в Киеве, подписанные президентом Виктором Януковичем в присутствии “европейских партнёров”, были в очередной раз нарушены, вооружённые боевики пошли на штурм. Как позднее вспоминал премьер (уже бывший) Николай Азаров, полторы-две тысячи подготовленных вооружённых бандитов “защитились” буфером из 15–25 тысяч “мирных протестувальников”. Некоторые беззастенчиво привели на ночной майдан даже детей... Вот потому не было разгона уличных беспорядков, и майдан превратился в ад.

Одураченный народ получил то, что хотел. Сверг “тиранию”, а вместе с ней – хоть относительные стабильность, порядок и благополучие. Теперь, через более чем 4 года получил даже то, чего не хотел и чего никакие провидцы не предвидели... Но – “что вже балакати?...”

Борис Олейник и мы все смотрели на огромный плазменный экран и понимали, что это – война. Что точка невозврата пройдена. Что рушится история, осыпается, как стена разбомблённого дома... “Югославский вариант”, – горестно качал головой поэт. А он знал, что говорил... Печаль в его глазах была безмерна.

Нам сочувствовали, нас утешали... 21 февраля посольство Украины отменило все наши мероприятия в связи с трауром. “Моторошная” пляска смерти началась. Безрадостная для самих триумфаторов “перемога”... Гробы на помосте майдана, где недавно пели и танцевали... Пачки провокационных документов, принимаемых в Верховной Раде “победителями”... Похоронные венки на киевской ёлке, которая стояла до августа 2014-го... Мир не видел доселе подобного абсурда.

Борис Ильич и так неважно себя чувствовал, а тут подался ещё больше. Его поддерживали под руки. “Двумя поддержан казаками...” – как в “Полтаве” Пушкина – полковник Палей. В доме-музее Пастернака сказал: “Эх, отут бы прылягты... – Не надо, – говорю, – Борис Ильич. На этом ложе Пастернак... умер. – А, – печально улыбнулся. – То хоч хытнуса, об одвирок головою зачеплюся та вдарюся. Обязательно!...” Спасительный юмор его не оставлял никогда... Но было невесело.

В ожидании отъезда мы, кто помоложе и погрешнее, безрадостно разливали стаканами водку в писательской столовой и молчали. “Да хоть не так демонстративно!” – возмущалась переделкинская официантка. Я протянул девушке киевский магнитик. “Це з майдану!” – мрачно пошутил талантливый поэт и когда-то мой студент Александр Стусенко. “Это из Лавры”, – объяснил я...

... Киев 23 февраля был непримиримым и небезопасным хмурым. В метро противно воняло горелыми шинками. Милиция разбежалась. Не разбежавшиеся цепляли на форму “евроленточки”, чтобы, не приведи Бог, не приняли за “Беркут”...

Дальше – много говорить, да мало слушать.

Весна уже в марте напоминала лето: можно было в футболке гулять. И грибы, в тот год, говорят, уродили. Всё как будто готовило, смягчало: ох, впереди тяжко будет, пока укрепляйтесь... Фонд культуры (а тогда это было как синоним к “Олейник”) помог мне, уже благополучно безработному (и – аж полегчало, при всей личной драме – не тот уже стал главный вуз Украины...), поехать в Москву, отчитать курс о русско-украинских связях в МГУ имени М. В. Ломоносова. Вот и преподаю, слава Богу...

... За два года до переворота я брал интервью у поэта. “Мы выжили, потому что имели надежду”, – запомнил его слова...

В нечастые мои приезды в Киев я обязательно заходил в уютный особняк Фонда на улице Липской, чудесной аллее. Сейчас он – как сирота. “А, москвич!..” – шутил глава Фонда, радостно угощал кофе, конфетами, коньячком, расспрашивал о делах рабочих и семейных... Даже в самом плохом состоянии (в частности, остро нарастал диабет) – он не отказывал во встрече, принимал посетителей, выступал, беседовал, юморил, – всё, как всегда... Но чем дальше – яснее я осознавал, что надорван он уже бесповоротно. И уж последнее, что он подписал мне, – “Избранное”, добротный зелёный томик, изданный на русском языке в 2014 году (ИПО “У Никитских ворот”) и на той же приснопамятной конференции презентованный. Прекрасные переводы В. Середина, Л. Вышеславского, Л. Смирнова, Н. Котенко, Н. Ушакова, В. Крикуненко, Е. Нефёдова и других...

Буквы автографа – ещё твёрдые, хоть и двоящиеся – садилось у него зрение, слабела столько написавшая рука...

*И он придёт с печалью мировую,
Момент, когда в края, где вечны сны,
В конце концов, уйдёт Последний воин
Великой и священной той войны...*

Сын солдата той войны сам был солдатом. В войне ещё более, может, тяжелой – духовной. Войне за Правду. В которой и мы обязаны победить. И победим!..

30 апреля 2017 года Борис Ильич Олейник скончался.

Мне сообщил это сын из Киева, и я заплакал.

Да-да, в большинстве календарных случаев на годовщину его ухода будет звучать: “Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!”, 40 дней после Пасхи. Как всегда звучит на его любимый праздник – День Победы.

... В очередной мой отъезд в Первопрестольную Борис Ильич вынул пять двухсотгривневых бумажек, тогда ещё что-то значивших, и вручил: “На, Сашко... Оце – зібрана тобі громадою тисяча... На дорогу”.

Больше мы не виделись. И на земле уже не увидимся. От меня ему передали в Киеве белую розу...

“Громада”, “мы”, “род”, “народ”, “Родина” были для него святыми словами, твёрдым веществом, а не колебанием воздуха или печатными знаками. Вряд ли кто после него скажет столь мощное “мы” от столь мощного “я”...

Борис Ильич, остаюсь должником... Буду отрабатывать здесь... На нашей святорусской земле – сколько судит Бог.

Но между нами, как говорят зодчие, – “безбарьерное пространство”. Между нами всеми: отцами и детьми, предками и потомками, от казаков-негтя, селян-гречкосеев до ветеранов, учителей, поэтов, рабочего всего люда; между родными русскими, украинцами, белорусами, сербами... *Людьми.*

Это пространство – бытие в Слове.

Низкий поклон Вам и вечная память! Благодарю за всё Вас.

Поэт и Человек... Учитель, чья целая жизнь – урок.